

ОПИСАТЕЛЬНАЯ ФОНЕТИКА И ПРОБЛЕМЫ КОДИФИКАЦИИ ПРОИЗНОСИТЕЛЬНЫХ НОРМ

О. В. Антонова

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

(Россия, Москва)

ovantonova@gmail.com

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ КОНСОНАНТИЗМА В СТАРОМОСКОВСКОМ ГОВОРЕ

В данной статье ставятся вопросы, относящиеся к истории русского литературного произношения: речь идет о нормативном статусе ряда явлений, квалифицируемых как отличительные черты старомосковской произносительной системы (в области консонантизма). В частности, предпринята попытка точнее определить особенности функционирования произносительных реалий на основании анализа лингвистических описаний первой половины XX в. Такой анализ позволяет выявить на рубеже XIX–XX вв. значительную вариативность (вопреки сложившемуся мнению) в произношении определенных черт, считавшихся специфически старомосковскими. Произнесение «по старомосковским нормам», уже противоречащее узусу, в ряде случаев расценивалось как предпочтительное. В течение всего XX в. движение в сторону «младшей» (по терминологии М. В. Панова) нормы закономерно усиливалось, но и в наши дни многие старомосковские варианты классифицируются как допустимые в литературном языке (с различным нормативным статусом). Очевидно, колебания в границах представлений о правильном, хорошем произношении сохраняются на всех этапах развития языка; фиксация же произносительных вариантов в синхронном срезе является лишь сигналом инициации процесса некоторого звукового изменения, и задача кодификатора — определить, на каком именно этапе этих изменений мы находимся.

Ключевые слова: история русского литературного произношения, старомосковское произношение, консонантизм

...московская речь — буквально это вещь в себе: никто ее не видел, не знает, и в то же время все как-то знают и понимают интуитивно...

С. С. Высокский

Среди актуальных вопросов, связанных с историей русского литературного произношения, вопрос о нормативном статусе явлений, определяемых как отличительные черты старомосковской произносительной системы, является одним

из основных (как в плане синхронии, так и диахронии). Однако сам статус таких явлений в настоящее время представляется не бесспорным. Часто даже поверхностное изучение лингвистической литературы, посвященной проблемам старомосковского произношения, позволяет точнее описать особенности функционирования некоторых произносительных явлений. Ряду таких норм и посвящена настоящая работа.

1. О термине «старомосковское произношение»

Исследователи звучащей речи на рубеже XIX–XX вв., фиксируя произносительные явления литературного языка, пользовались терминами *московский говор* или *московское наречие* (имея в виду только речь образованных людей [Высотский 1984]). К этому же периоду относится большинство известных лингвистических описаний московского говора; «приставку» *старо-* название этого явления приобрело в более поздней научной традиции. В настоящее время термины *старомосковское наречие* и *старомосковский говор*¹ широко используются в филологии.

Истории московского говора посвящен целый комплекс научных трудов, см.: [Аванесов 1947; Аванесов 1955; Котков 1974; Соболевский 1897; Соболевский 1980] и многие другие. При этом примечательно, что большинство черт, считавшихся прежде собственно старомосковскими, при детальном изучении источников, отражающих более ранние периоды становления литературного языка, можно признать не столько старомосковскими, сколько просто старыми (т. е. возникшими задолго до оформления старомосковского говора в особую произносительную систему). Объединяет такие черты не общее время возникновения, а общий период разрушения. Таким периодом разрушения условно принято считать середину XX в., так как именно на это время приходится осознание необходимости формулирования новых орфоэпических правил и сохранения традиционных представлений о хорошем произношении.

Другой любопытной особенностью оказывается то, что процесс расшатывания старомосковских норм, очевидно, берет начало в более раннем времени, чем это было отмечено исследователями. Для некоторых, казалось бы, бесспорно старомосковских черт на рубеже XIX–XX вв. вариативность в произношении была уже столь значительной, что проникла даже в лингвистические описания. Рассмотрим некоторые такие случаи.

¹ Первым, как представляется, термин **старомосковское произношение** в его настоящем виде употребил Д. Н. Ушаков в статье 1928 г. [Ушаков 1995б: 182]. Также о «старом московском» произношении в статье 1936 г. упоминал Л. В. Щерба [Щерба 1957: 111]. Вскоре термин *старомосковский* становится общелингвистическим по отношению к разговорной речи москвичей, обладающей архаическими чертами. Ср.: Б. В. Томашевский в статье «Стихотворная система “Горя от ума”» пишет: «...по стилю произношения комедия Грибоедова построена на материале старомосковского разговорного языка. Многие черты этого говора ныне утрачены» [Томашевский 1946: 80].

2. Произношение согласного на месте буквы *щ* и сочетаний *жч*, *зч*, *сч*², а также *зж*, *жд*, *жж*

А. Х. Востоков, рассуждая о целесообразности некоторых орфографических принципов, указывал: «Букву *щ* не надлежит писать вместо *сч*, *зч*, *жч*, когда *с*, *з*, *ж*, принадлежит к предлогу или к корню слова; напр. *счастье*, а не *щастье*: *расчет*, а не *ращет*, *мужчина*, а не *мущина*» [Востоков 1859: 239], а это означает: автор предостерегает от написаний, возникающих под влиянием произношения (следовательно, на месте буквосочетаний *сч*, *зч*, *жч* произносили [ш'ч']).

Однако не все исследователи того времени единодушны в этом вопросе. В. А. Богородицкий³ и А. А. Александров транскрибируют [ш'ч'] на месте *зч*: у *ѣзвш'ч'ька* (у *изво́зчика*), *ѣзвш'ч'ьк* (*изво́зчик*); *ѣзво́жьк* (*извозчик*) [Богородицкий 1887: 106, 107, 116] (ср.: Л. Л. Касаткин отмечает, что в XIX в. произношение [ш'ч'] в подобных случаях было повсеместным [Касаткин (ред.) 2013: 73]; таким образом, есть вероятность, что уже в конце XIX в. могли существовать старшая и младшая нормы).

Бывали и обратные ситуации. Петербуржец Р. Ф. Брандт фиксирует вариантное произношение ([ш'ч'] и [ш']) на месте *щ* в слове *лещ* [Брандт 1892: 8] и звуки [ш'ч'] в слове *щит* [Брандт 1892: 14]⁴; В. И. Чернышев говорит о вариантах: *шьююка* (*щю́ка*) и *шьююка* [Чернышев 1915: 19], на месте сочетания *сч* у него также варианты⁵: *защёт* (*за счёт*) [Чернышев 1915: 101]. У Ф. И. Буслаева транскрипции аналогичны вариантам А. Х. Востокова, у него находим: *щет*, *щастье* (*счёт*, *счастье*) [Буслаев 1896: 18], у Р. Кошутича: *ш'итáл'* (*считали*) [Кошутин 1919: 47].

Д. Н. Ушаков категорически отвергал возможность произнесения на месте *щ*, *зч*, *сч*, *жч* согласных [ш'ч']. Полемизуя с В. И. Чернышевым, исследователь утверждал, что «*щ* надо произносить только как мягкое долгое *ш*» [Ушаков 1995а: 165] и что согласно старым московским нормам «буква *щ* произносится как долгое мягкое *ш* (а не как *шч*): *щи*, *щетка* — ш'ш'и, ш'шётка. Так же произносится

² Существуют различные точки зрения относительно того, какая фонема воплощается в звуке [ш'] в словах *щю́ка*, *счастье*, *расчет*, и пр. Широко распространено мнение, что в данном случае речь идет об особой фонеме /ш'/ . Некоторые лингвисты, признавая [ш'] воплощением одной фонемы, для отдельных случаев допускают, что [ш'] может представлять и сочетания фонем [Барина 1966: 33; Панов 1967: 228; Панов 2002: 25–28]. Другая точка зрения предлагает считать [ш'] воплощением сочетания фонем для всех случаев. Наиболее полно это мнение аргументировано Л. Л. Касаткиным [Касаткин 2006: 162–166].

³ Необходимо только учитывать, что в речи волжанина В. А. Богородицкого, жившего и работавшего в Казани, возможно, находили отражение и некоторые региональные произносительные черты.

⁴ О том, что на месте буквы *щ* нужно произносить *шти*, как транскрибирует Р. Ф. Брандт, говорили также А. Х. Востоков [Востоков 1859: 237, 238] и В. И. Чернышев (предлагавший, впрочем, на месте *щ* произносить вариантно: [шьшь] и [шьтьшь] или [шш] [шч]) [Чернышев 1915: 16, 21].

⁵ В. И. Чернышев отмечает: «Группы согласных *сч*, *зч*, *сш*, *зш* звучат как *ш*, т. е. как *шьшь* или *шьч*: щем (с чем), щастья (счастье), щитать (считать), бещести (без чести), разнóщик (разносчик), бещóтки (без щетки) и т. п.» [Чернышев 1915: 42], следовательно, в его упрощенной транскрипции знак *щ* может выражать как звук [ш'], так и звукосочетание [ш'ч'].

счастье, счет — ш'шяс'тье, ш'шёт» [Ушаков 1995а: 175] (и этот взгляд перекликается с мнением А. Х. Востокова.). Очевидно, такое произношение соответствовало представлениям о старой московской норме⁶ в качестве предпочтительного, но в действительности более вероятным надо признать сосуществование произносительных вариантов (с различной нормативной оценкой).

В пользу вариантного произношения косвенно свидетельствует и параллельный сегмент системы: реализация согласных на месте сочетаний *жж, жд, жжж*⁷⁷. Хотя большинство исследователей говорили о звуке [ж'] в подобном случае, см. [Буслаев 1896: 23, 25; Кошутић 1919: 44; Корш 1902: 50; Чернышев 1915: 19, 26; Ушаков 1995а: 165, 176; Панов 2002: 99]. Однако и тут В. И. Чернышев, охотнее прочих исследователей уделявший внимание любому расшатыванию норм, признавал изредка возможным вариантное произношение подобных сочетаний, ср.: «орфографические сочетания *жж* и *жж* звучат обыкновенно как долгое мягкое *ж* или изредка как сочетание *жьдьжь*: *вóжьжи, вóжьдьжи (вóжьжи), уежьжяю (уежьжяю), пóжьжи (пóжьже)* и т. п.» [Чернышев 1915: 41].

3. Произношение согласных на месте сочетаний заднеязычный + взрывной (*гк, гт, гч, кг, кк, кт, кч*)

3.1. Произношение согласных на месте сочетаний *гк, гт, гч, кт, кч*

В сочетаниях *гк, гт, гч, кт, кч* на месте первого согласного в конце XIX — начале XX в. произносили [х], например: «хто (*кто*)» [Богородицкий 1887: 29] (в современном литературном языке такое произношение сохранилось только для сочетания *гк* и *гч*, в остальных случаях на месте первого согласного произносится [к]). А. Х. Востоков отмечал, что *легко, легче, мягко, мягче, ногти* произносятся как *лехко, лехче, мяхко, мяхче, нохти*, а *к тому, к чему, кто* — *хтому, хчему, хто* [Востоков 1859: 249].

Однако в работах других исследователей то и дело встречаются оговорки, позволяющие предполагать одновременное бытование разных произносительных вариантов с различной нормативной оценкой. К примеру, В. И. Чернышев писал: «*К* перед *т* и перед *ч* обращается в *х*. Произносим: *хто* (кто), *хтебё* (к тебе), *хтава́ришу* (к товарищу), *хчему́* (к чему), *мя́хчи* (пишем: *мягче* вместо *мякче*) и т. п. В некоторых словах мы произносим перед *т* звук *х*, полученный из *г*: *но́хти, ко́хти*,

⁶ То же следует признать справедливым и для произношения звука [ш'] на месте буквосочетаний *штнч, здч, стч* (напр.: *весну́[ш']атый (весну́шчатый), же́[ш']е (же́стче), зве́[ш']атый (звёздчатый)*), примеры для которых не удалось обнаружить в рамках настоящего исследования. См. также [Реформатский 1995: 347].

⁷ Ситуация относительно определения, какая фонема воплощается в звуке [ж'] в словах *дожди, вожжи, ежж*, и пр., параллельна ситуации с вопросом о том, воплощением какой фонемы является звук [ш']. Этот спорный участок системы подробно рассмотрен Л. Л. Касаткиным [Касаткин 2006: 162–166]. Однако в рамках настоящего исследования вопрос о фонемном составе исследуемых слов не представляется принципиальным.

дѣхтю. Интересна Пушкинская рифма локти — когти, очевидно на *хти*: крепко связаны ей локти; Попадется зверю в когти. Сказка о мертвой царевне» [Чернышев 1915: 42]. Любопытно, что Чернышев абсолютно убежден в том, как именно должна звучать пушкинская рифма «локти — когти», для него это очевидно. Отдельного внимания заслуживает примечание, сделанное им на той же странице: «Примечание: Произношения <...> подверглись теперь сильному книжному влиянию и грамотеям нашего времени кажутся некрасивыми (курсив мой. — О. А.). В доказательство того, что они не портят русской речи, сошлюсь на прекрасное произношение покойной В. Ф. Коммисаржевской, от которой я слышал ясное и последовательное *хто*». Такое «возражение грамотеям» не потребовалось бы, если бы не существовали и *иные* варианты произношения (которые не нравились В. И. Чернышеву и расценивались им как неправильные, некрасивые).

Косвенно подтверждают гипотезу об одновременном существовании произносительных вариантов и данные исследователей более позднего времени, ср.: «Группа *кт* во многих говорах произносится как [хт]: [хт]о, [х-т]о́му, до́[хт]ор, дире́[хт]ор. Такое произношение для некоторых случаев было не чуждо (курсив мой. — О. А.) и старым московским нормам ([хт]о, [х-т]о́му)» [Аванесов 1984: 187]. О том же пишет Н. Н. Розанова: «... сочетание *кт* в некоторых словах (курсив мой. — О. А.) произносится как [хт]: ни[хт]о, [хт]о-нибудь, [хт]ому дому, ко[хт']и, но[хт']и, де́[хт']ю, де[хт']ярное (мыло). Такое произношение было свойственно старомосковской норме» [Розанова 1984: 47].

3.2. Произношение согласных на месте сочетаний *кк*, *кг*

У Н. И. Греча есть транскрипция: *хкому* (*к кому́*) [Греч 1834: 420]; А. Х. Востоков отмечает, что *к кому* произносится как *хкому* [Востоков 1859: 249]; Ф. И. Буслаев записывает: *хкому* (*к кому́*) [Буслаев 1896: 20]; А. И. Томсон (здесь следует отметить, что в его речи возможным было проявление южнорусского субстрата) допускает вариантное произношение, отмечая, что говорят «“к кому” = *к̄ому* (если не произносится “хкому”)» [Томсон 1910: 237]; В. И. Чернышев фиксирует — *х каму́* (*к кому́*) и далее поясняет: «Сочетание *кк* обращается в *хк*. Это так называемая *диссимилиция*, т. е. расподобление согласных. Говорят: *хкаму* (*к кому*), *хкámню* (*к камню*)» [Чернышев 1915: 19, 42]. См. также у Н. Н. Розановой: «По старой московской норме на месте *кк*, *гк* произносилось [хк], [у́г] <...> По свидетельству Р. Кошутича, произношение *х* и *у* в этих сочетаниях являлось устаревшим уже для литературного языка начала нашего века» [Розанова 1984: 47]. Однако представляется целесообразным не относить эту норму к устаревшим произносительным вариантам: Кошутич, транскрибируя рядом [г_г]о́роду и [у_г]о́роду, [г_г]о́ре и [у_г]о́ре, рассуждал о частотности замены второго варианта первым, но никак не об отсутствии вариантов типа [у_г]о́ре в современной ему речи [Кошутич 1919: 75].

Вероятно, в начале XX в. норма, согласно которой на месте буквосочетания *кк*, *кг* произносилось [хк], [у́г], сосуществовала с новой нормой, которая требовала произношения [кк], [гг].

4. Реализация фонем /ʏ/ и /ʏʹ/

Н. И. Греч фиксировал, что слова *Господь, благо, Бога* произносятся со звуком, который он обозначал знаком *h*⁸ [Греч 1834: 420]; А. Х. Востоков отмечал: «Мягкая⁹ *z*, произносимая с придыханием, как *h*, обращается в *x* перед твердыми¹⁰ согласными и в конце слов <...>, напр. *Бог, юг, чертог*, произносятся как *Бох, юх, чертох*¹¹» [Востоков 1859: 249]; В. А. Богородицкий указывал, что звук [ʏ] произносится в словах *благо, Господь* [Богородицкий 1887: 17]; Н. Н. Дурново писал, что слова *легок, мягок, богатый* и слова церковнославянские произносятся со звуком [ʏ] [Дурново 1969: 145]; В. И. Чернышев отмечал, что в словах: *Бога, богатый, убогий, богатырь, Господь, благо* произносится «*g*, близкий к *x*» (что соответствует звуку [ʏ]) [Чернышев 1915: 21]. Итак, положение фонем /ʏ/ и /ʏʹ/ в старомосковском говоре было устойчиво. В ряде случаев орфоэпическая норма (несомненно, лексикализованная) допускала произношение исключительно с [ʏ] и [ʏʹ]: *бо[x], бó[ʏ]а, бó[ʏ]у, о бó[ʏʹ]е, [ʏ]оспóдь, [ʏ]óсподи, [ʏ]оспóдень, блá[ʏ]о, бла[ʏ]одáть, бла[ʏ]одáрность, бла[ʏ]осклóнный, бо[ʏ]áтый, бо[ʏ]áтство, [ʏ]осу-дáрь, убó[ʏʹ]ий, бо[ʏ]атýрь. В других случаях, особенно в речи младшего поколения было возможно вариантное произношение: *бо[ʏ]áтый* и *бо[г]áтый, бо[ʏ]áтство* и *бо[г]áтство, бла[ʏ]одáрность* и *бла[г]одáрность, убó[ʏ]ий* и *убó[г]ий, бо[ʏ]атýрь* и *бо[г]атýрь* [Панов 2002: 97–98].*

Таким образом, мы можем видеть, что на рубеже XIX–XX вв. положение фонем /ʏ/ и /ʏʹ/ в словах религиозного содержания было намного более прочным, чем в настоящее время, однако и оно пошатнулось (главным образом за счет сокращения лексикализованного списка).

5. Заключение

Итак, мы можем констатировать, что все перечисленные произносительные рекомендации даны не в виде строгого предписания (уже современники признавали в них возможность вариативности), а с определенными оговорками. Мы встречаем такие оговорки повсеместно в научных трудах: обычно, как правило, в некоторых

⁸ О том, что звук *h* соответствует [ʏ], можно судить по транскрипциям В. И. Чернышева. Он записывал рядом *Бога*, *Бох* и прямо указывал на возможное произношение *у* или *h* в слове *Бога* [Чернышев 1915: 18–19]. См. также: «Согласная *z*, по двоякому произношению своему (*g*, *h*) принадлежит также к буквам, выражающим по два звука. Второй из сих звуков имеет буква *z*, не только тогда, когда употреблена вместо *h* в иностранных словах; напр. Гамбург, Богарне (Hambourg, Veauharnais), но и в некоторых русских словах, особенно важной речи принадлежащих, напр. Глас Господа Бога выражено было бы латинскими буквами *Hlas Nospoda Boha*, а не *Glas Gospoda Boga*» [Востоков 1859: 238]. Эти рассуждения ясно свидетельствуют в пользу того, что в данном случае *h* = [ʏ].

⁹ Речь, без сомнения, идет о фрикативном звуке [ʏ].

¹⁰ Здесь следует уточнить — смычными согласными.

¹¹ Очевидно, что [x] в данном случае — глухой парный к звонкому [ʏ], появившийся в позиции конца слова.

словах, в определенном круге слов... Принято считать, что в подобных случаях речь идет о некоей позиционной распределенности, однако зачастую здесь нет никаких четких критериев, позволяющих выяснить, каким именно списком задается норма, каковы исчерпывающие условия возникновения именно такого варианта и пр. Всё это говорит о наличии в старомосковском говоре определенных произносительных колебаний (возникших вследствие явления, которое в настоящее время носит название *варианта орфоэпической нормы*).

Также представляется, что вышесказанное свидетельствует о более раннем (по сравнению с обычными представлениями) времени возникновения вариативности в произношении некоторых черт, считавшихся специфически старомосковскими, так как различия эти уже на рубеже XIX–XX вв. были довольно значительны¹². Негативная же оценка некоторых таких вариантов со стороны современников означает, что, несмотря на пошатнувшуюся закономерность, произнесение «по (старо)московским нормам» (вопреки узусу?) и исследователями, и носителями литературного языка в большинстве случаев расценивалось как предпочтительное. Очевидно, колебания в границах представлений о правильном, хорошем произношении сохраняются на всех этапах развития языка; фиксация же произносительных вариантов в синхронном срезе является лишь сигналом инициации процесса некоторого звукового изменения, и задача кодификатора — определить, на каком именно этапе этих изменений мы находимся.

Литература

Аванесов Р. И. Вопросы образования русского языка в его говорах // Вестник Московского университета. 1947. № 9. С. 109–158.

Аванесов Р. И. Проблемы образования языка русской (великорусской) народности // Вопросы языкознания. 1955. № 5. С. 20–42.

Аванесов Р. И. Русское литературное произношение. Изд. 6-е. М.: Просвещение, 1984.

Антонова О. В. О рефлексах старомосковского произношения в современной звучащей речи // Русский язык в научном освещении. 2007. № 1 (13). С. 225–239.

Антонова О. В. Система старомосковского произношения и ее рефлексы в современной звучащей речи: Дис. ... канд. филол. наук / Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН. М., 2008. 167 с.

Антонова О. В. Позиционная мягкость согласных в старомосковском говоре // Проблемы фонетики VI / Отв. ред. М. Л. Каленчук, Д. М. Савинов. М.: Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2014. С. 6–24.

¹² Косвенным подтверждением этого тезиса могут служить результаты, полученные в ходе изучения других черт старомосковского произношения; например, реализация возвратного постфикса с твердым/мягким согласным [Антонова 2007; Антонова 2008] либо позиционная мягкость согласных [Антонова 2014]. Выводы о судьбе этих произносительных черт сходны с выводами настоящего исследования.

Барина Г. А. О произношении [ж'] и [ш'] // Развитие фонетики современного русского языка. М., 1966. С. 25–54.

Богородицкий В. А. Курс грамматики русского языка. Ч. I. Фонетика. Варшава, 1887. 317 с.

Брандт Р. Ф. Лекции по исторической грамматике русского языка. Вып. 1. Фонетика. М., 1892. 146 с.

Буслаев Ф. И. Учебник русской грамматики. Изд. 8-е. М., 1896. 239 с.

Востоков А. Х. Русская грамматика Александра Востокова по начертанию его же сокращенной грамматики изложенная. Изд. 10-е. СПб., 1859. 320 с.

Высотский С. С. О московском народном говоре // Городское просторечие. Проблемы изучения / Отв. ред. Е. А. Земская, Д. Н. Шмелев. М.: Наука, 1984. С. 22–37.

Греч Н. И. Практическая русская грамматика. Изд. 2-е. СПб., 1834. 526 с.

Дурново Н. Н. Введение в историю русского языка. Изд. 2-е. М.: Наука, 1969. 296 с.

Касаткин Л. Л. Современный русский язык. Фонетика. М.: Академия, 2006. 251 с.

Касаткин Л. Л. (ред.). Русская диалектология. М.: Аст-Пресс, 2013. 304 с.

Корш Ф. Е. О русском правописании // Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук. Т. VII, кн. 1. СПб., 1902. С. 39–94.

Котков С. И. Московская речь в начальный период становления русского национального языка. М.: Наука, 1974. 359 с.

Кошутий Р. Грамматика руског језика. Пг., 1919. 512 с.

Панов М. В. Русская фонетика. М.: Просвещение, 1967. 440 с.

Панов М. В. История русского литературного произношения XVIII–XX вв. М.: УРСС, 2002. 456 с.

Реформатский А. А. О московском произношении // Проблемы фонетики. Вып. II. Сб. статей / Отв. ред. Л. Л. Касаткин. М.: Ин-т рус. языка им. В. В. Виноградова, 1995. С. 345–349.

Розанова Н. Н. Современное московское просторечие и литературный язык (на материале фонетики) // Городское просторечие. Проблемы изучения / Отв. ред. Е. А. Земская, Д. Н. Шмелев. М.: Наука, 1984. С. 37–65.

Соболевский А. И. Опыт русской диалектологии. Вып. 1. СПб.: тип. М. Меркушева, 1897. 119 с.

Соболевский А. И. История русского литературного языка. Л.: Наука, 1980. 193 с.

Томашевский Б. В. Стихотворная система «Горя от ума» // А. С. Грибоедов. 1795–1829 / Под ред. И. Клабуновского и А. Слонимского. М.: Гослитмузей, 1946. С. 74–109.

Томсон А. И. Общее языковедение. Изд. 2-е. Одесса: тип. «Техник», 1910. 448 с.

Ушаков Д. Н. Русская орфоэпия и ее задачи // Русский язык / Сост. М. В. Панов. М.: Просвещение, 1995. С. 155–177.

Ушаков Д. Н. К вопросу о правильном произношении // Русский язык / Сост. М. В. Панов. М.: Просвещение, 1995. С. 180–186.

Чернышев В. И. Законы и правила русского произношения. Пг.: тип. ИАН, 1915. 108 с.

Щерба Л. В. О нормах образцового русского произношения [1936] // Избр. работы по русскому языку. М.: Учпедгиз, 1957. 187 с.

Olga V. Antonova

*Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences
(Russia, Moscow)
ovantonova@gmail.com*

SOME CHARACTERISTICS OF CONSONANTISM IN THE OLD-MOSCOW TALK

This article deals with several issues related to the history of Russian standard pronunciation, in particular, the normative status of the features of consonantism which are considered specific features of the old-Moscow pronunciation. The article tries to more accurately determine the features of the functioning of certain orthoepic norms. The analysis of the linguistic works of the first half of the 20th century shows (contrary to the widely held opinion) clear fluctuation of certain orthoepic norms. The data of this study indicate that at the turn of the 19th–20th centuries the variability in the pronunciation of certain features considered to be specifically Old Moscow was quite significant. A negative evaluation of some of these options means that (despite the shaky patterns) pronouncing “according to old-Moscow norms” by the speakers of the literary language (and also by the researchers) was in some cases regarded as preferable. Throughout the 20th century the movement towards the “junior standard” (in the terminology of M. V. Panov) was naturally strengthened, but even nowadays the old Moscow variants are classified as permissible in the standard language (with different regulatory status). Thus, fluctuations within the limits of norms are preserved at all stages of language development, and the task of the codifier is to determine the amplitude of such oscillations.

Key words: history of Russian standard pronunciation, old-Moscow pronunciation, consonantism

References

Antonova O. V. [On the reflexes of the old-Moscow pronunciation in modern sounding speech]. *Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii*. 2007. N 1 (13). P. 225–239. (In Russ.)

Antonova O. V. *Sistema staromoskovskogo proiznosheniya i ee refleksy v sovremennoi zvuchashchei rechi*. Dis. ... kand. filol. nauk [The old-Moscow pronunciation system and its reflexes in modern-sounding speech. PhD. philol. sci. diss.]. Moscow, Institut russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova RAN, 2008. 167 p.

Antonova O. V. [Positional softness of consonants in the old-Moscow talk]. *Problemy fonetiki VI* [Problems of phonetics VI]. Eds. M. L. Kalenchuk, D. M. Savinov. Moscow, Institut russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova RAN Publ., 2014. P. 6–24. (In Russ.)

Avanesov R. I. [The issues of the formation of the Russian language in its dialects]. *Vestnik Moskovskogo universiteta*. 1947. N 9. P. 109–158. (In Russ.)

Avanesov R. I. [The problems of the formation of the language of the Russian (Great Russian)]. *Voprosy jazykoznanija*. 1955. N 5. P. 20–42. (In Russ.)

Avanesov R. I. *Russkoe literaturnoe proiznoshenie* [Russian standard pronunciation]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1984. 383 p.

Barinova G. A. [About the pronunciation of [z̥h̥] and [s̥h̥]]. *Razvitie fonetiki sovremennogo russkogo jazyka* [Development of phonetics of modern Russian language]. Moscow, 1966. P. 25–54. (In Russ.)

Bogorodickij V. A. *Kurs grammatiki russkogo jazyka. Ch. I. Fonetika*. [The grammar of the Russian language. Part I. Phonetics]. Warsaw, 1887. 317 p.

Brandt R. F. *Lekcii po istoricheskoj grammatike russkogo jazyka. Vyp. 1. Fonetika*. [Lectures on the historical grammar of the Russian language. Iss. 1. Phonetics.]. Moscow, 1892. 146 p.

Buslaev F. I. *Uchebnik russkoj grammatiki*. [Textbook of Russian grammar]. Moscow, 1896. 239 p.

Chernyshev V. I. *Zakony i pravila russkogo proiznosheniya* [Laws and rules of Russian pronunciation]. Petrograd, Printing house of the Academy of Sciences Publ., 1915. 108 p.

Durnovo N. N. *Vvedenie v istoriju russkogo jazyka* [Introduction to the history of the Russian language]. Moscow, Nauka Publ., 1969. 296 p.

Grech N. I. *Prakticheskaja russkaja grammatika* [Practical Russian grammar]. St. Petersburg, 1834. 526 p.

Kasatkin L. L. (ed.). *Russkaya dialektologiya* [Russian dialectology]. Moscow, Ast-Press Publ., 2013. 304 p.

Kasatkin L. L. *Sovremennij russkij jazyk. Fonetika*. [The modern Russian language. Phonetics]. Moscow, Publishing Center “Academy”, 2006. 251 p. (In Russ.)

Korsh F. E. [About russian spelling]. *Izvestija Otdelenija russkogo jazyka i slovesnosti Akademii nauk. T. VII, kn. 1*. St. Petersburg, 1902. P. 39–94. (In Russ.)

Kotkov S. I. *Moskovskaja rech' v nachal'nyj period stanovlenija russkogo nacional'nogo jazyka* [Moscow speech in the initial period of the formation of the Russian national language]. Moscow, Nauka Publ., 1974. 359 p.

Koshutiĥ R. *Grammatika ruskog jezika* [Grammar of the Russian language]. Petrograd, 1919. 512 p.

Panov M. V. *Russkaja fonetika* [Russian phonetics]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1967. 440 p.

Panov M. V. *Istorija russkogo literaturnogo proiznosheniya XVIII–XX vv.* [The history of Russian standard pronunciation of the 18th–20th centuries]. Moscow, URSS Publ., 2002. 456 p.

Reformatskij A. A. [About Moscow pronunciation]. *Problemy fonetiki II*. [Problems of Phonetics II]. Moscow, Russian language institute by V. V. Vinogradov Publ., 1995. P. 345–349. (In Russ.)

Rožanova N. N. [Modern Moscow vernacular and standard language (on the basis of phonetics)]. *Gorodskoe prostorechie. Problemy izuchenija* [Urban vernacular. The problems of studying]. Moscow, Nauka Publ., 1984. P. 37–65. (In Russ.)

Shcherba L. V. [About the norms of exemplary Russian pronunciation]. *Izbr. raboty po russkomu yazyku* [Selected works on Russian language]. Moscow, Uchpedgiz Publ., 1957. 187 p. (In Russ.)

Sobolevskii A. I. *Opyt russkoi dialektologii. Vyp. 1* [Experience of Russian dialectology. Iss. 1]. St. Petersburg, tip. M. Merkusheva Publ., 1897. 119 p.

Sobolevskii A. I. *Istoriya russkogo literaturnogo yazyka* [History of the Russian standard language]. Leningrad, Nauka Publ., 1980. 193 p.

Tomashevskii B. V. [The poetic system “Woe from wit”]. *A. S. Griboedov. 1795–1829* [A. S. Griboedov. 1795–1829]. Moscow, Goslitmuzei Publ., 1946. P. 74–109. (In Russ.)

Tomson A. I. *Obshchee yazykovedenie* [General Linguistics]. Odessa, tip. “Tekhnik” Publ., 1910. 448 p.

Ushakov D. N. [Russian orthoepia and its tasks]. *Russkii yazyk* [Russian language]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1995. P. 155–177. (In Russ.)

Ushakov D. N. [To the question of correct pronunciation]. *Russkii yazyk* [Russian language]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1995. P. 180–186. (In Russ.)

Vostokov A. H. *Russkaja grammatika Aleksandra Vostokova po nachertaniju ego zhe sokrashhennoj grammatiki izlozhennaja* [The Russian grammar of Alexander Vostokov on the outline of his shortened grammar is stated]. St. Petersburg, 1859. 320 p.

Vysotskij S. S. [About the Moscow folk dialect]. *Gorodskoe prostorechie. Problemy izuchenija* [Urban vernacular. The problems of studying]. Moscow, Nauka Publ., 1984. P. 22–37. (In Russ.)